

зрелости является ответом к решению большинства общественных проблем. Все же институтам гражданского общества не уделяется должного внимания в работах ключевых теоретиков агонизма (Ш. Муфф, Э. Лакло), однако их роль не ставится под сомнение при детальном анализе некоторых аспектов агонистического плюрализма. Отдаляясь от марксистской теории классовой борьбы, агонистическая модель адаптирует состояние перманентного конфликта к базовым либеральным аспектам демократии.

Список источников

1. Mouffe, C. On The Political / C. Mouffe. – Abington : Routledge, 2005. – 148 p.
2. Paxton, M. Agonistic Democracy: Rethinking Political Institutions in Pluralist Times / M. Paxton. – Abington : Routledge, 2021. – 196 p.

*С.Н. Федорченко, доктор политических наук, доцент
МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)*

ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Политические теории, как правило, призваны помочь исследователю касательно изучаемого им политического феномена, явления, процесса, закономерности: а) структурировать имеющееся знание через концептуализацию, непротиворечивую систему научных терминов и классификаций; б) лучше понять, интерпретировать анализируемую проблему, выявив важнейшие каузальные механизмы; в) использовать прогностический потенциал, создать условия для применения сценарийных техник. Другими словами, политическая теория не существует сама для себя, она появляется, выражаясь языком А. Тойнби, как ответ ученого на вызов конкретных пробелов в политической науке.

Когда для политической теории возникает такой момент «проверки на прочность», то у нее есть несколько вариантов дальнейшего существования: а) остаться в практически первоначальном виде либо сохраниться с незначительными изменениями; б) быть полностью отвергнутой академическим сообществом; в) пройти процедуру реконцептуализации – адаптироваться под новые технологические, экономические, социально-политические, культурные условия человеческой жизни. Здесь речь пойдет именно о реконцептуализации – «второй жизни» политической теории. При таком сценарии у политической теории остается ее ядро – базовый терминологический аппарат, система ключевых идей, принципов, отражающих,

объясняющих кардинальные закономерности в политическом универсуме. Безусловно, любая реконцептуализация должна быть обоснованной и учитывать Бритву Оккама, принцип фальсифицируемости теоретического знания К. Поппера.

Импульсом для реконцептуализации в социальных науках могут послужить самые разные факторы. Например, фрагментация прежних и появление новых социальных групп, возникновение цифровых видов политической микроцелевой таргетированной пропаганды, эволюция форм политических конфликтов в сторону распространения информационных войн. Причиной реконцептуализации может быть появление новых эмпирических исследований, которые начинают оспаривать ранние концептуальные схемы. Наконец, реконцептуализация не исключает такой своей причины как развитие целых новых направлений и школ в политической науке.

Однако больше всего может заставлять ученых обращаться к реконцептуализации политических теорий масштабные технологические трансформации, воздействующие на социально-политическую и экономическую стороны жизни самым фундаментальным образом. Как правило, не всякий намечающийся эффект «технологического перехлеста» (когда политические теории и даже законодательство не успевают за стремительным внедрением новейших технологий) приводит к проверке на прочность господствующей и популярной концептуальной модели. Но накопление таких эффектов может привести к серьезной ревизии теоретического знания. Важно подчеркнуть, что наиболее важные вызовы для современных политических теорий создают технологии искусственного интеллекта, Интернета вещей и нейросетей, – так называемые «сквозные» цифровые технологии.

Какие примеры реконцептуализации в политической науке можно привести? В свое время интересную и качественную реконцептуализацию политической теории власти осуществил российский политолог В.Л. Ледяев. Обобщив серьезный теоретический опыт своих предшественников (М. Вебера, Р. Даля, Г. Лассуэлла, Д. Ронга, Т. Парсонса, Х. Арендт, М. Фуко, К. Гибсона, М. Морриса, Э. Гидденса и др.), проделав кропотливую работу, он предложил свое понимание власти, более современное на тот период развития политической науки. Согласно трактовке Ледяева, политическая власть «выражает способность субъекта обеспечить подчинение объекта в сфере политики» [2, с. 342]. Также в его теоретическом осмыслении власти учитывались такие компоненты как авторитет, манипуляция, убеждение, побуждение, принуждение и сила [Там же, с. 282-302]. При этом политолог досконально проанализировал и переосмыслил трехмерный подход к власти С. Льюкса, предложившего другую формулу власти: «...А осуществляет власть над В, когда

А воздействует на В таким образом, который противоречит интересам В» [4, с. 58].

Между тем активное распространение технологий Big Data, алгоритмов, нейронных сетей, искусственных интеллектуальных систем заставляет сделать следующий шаг в политической науке. Сам традиционный феномен субъектности подвергается большим вызовам. Достаточно вспомнить эксперимент лаборатории Facebook FAIR (деятельность корпорации Meta, а также ее платформ Facebook и Instagram признана экстремистской и запрещена в Российской Федерации) в 2017 г. Когда разработчики оставили ботов на некоторое время, те начали коммуникацию между собой, сгенерировав собственный язык и отказавшись от английского [7, р. 2433-2443]. Без человеческого посредничества. В этот же год боты Google Home на основе искусственного интеллекта (далее – ИИ) с именами Владимир и Эстрагон стали «общаться» друг с другом, определяя, кто из них является больше человеком. Следовательно, перед политической наукой возникает сложная, но важная задача осмысления алгоритмизации власти, техник предиктивной аналитики, вызовов ранжирования, манипуляции, социальной дискриминации, предвзятости посредством алгоритмов, феномена «черного ящика» [8] (самым опасным сценарием может быть зарождение в будущем «алгоритмически замкнутого круга» из всех этих перечисленных эффектов).

Не случайно, сейчас в российской социологии [5, с. 43] возникло направление исследования так называемой искусственной социальности (атипичной социологии). Если в российских социальных науках – политологии и социологии – такой проблемный контур рассматривается на примере социотехнической реальности, то в зарубежных трудах схожая тема имеет отношение к так называемой концепции фиджитал-мира. Как российские, так и зарубежные авторы начинают обращаться к социальным аспектам, вызовам и возможностям метавселенных, которые могут создавать государства для защиты своего цифрового суверенитета, а значит, и государственного, ценностного суверенитета. В российской политической науке анализируются феномены цифровых актантов искусственных личностей на базе ИИ, существенно отличающихся от цифровых аватаров – виртуальных, цифровых репрезентаций людей. Сначала наработки по актантам были у Б. Латура. К современной же реконцептуализации обращается политолог из СПбГУ, профессор И.А. Быков. С другой стороны, российскими политологами (например, профессором факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова С.В. Володенковым) актуализируется тема киберсимулякров – действующих в Интернете виртуальных личностей, симулирующих активность реальных людей [1, с. 26]. Симулякры до развития Интернета и технологий ИИ в свое время изучал Ж. Бодрийяр, но внедрение нейросетей в политические

коммуникации требуют уточнения прежних моделей. Или другой пример. Теоретическая рамка эхо-камер К. Санстейна также была предложена до популяризации темы алгоритмов. С.В. Володенков же предложил концепт «информационных капсул», в которые может буквально погружаться человек и усваивать определенные мнения, модели мира, стереотипы [3, с. 1–8].

Иногда реконцептуализация проводится через процедуру рецепции, переосмысления, к примеру, терминологии Античности. Так, появились эскизы новых концептуальных схем – сетевого полиса и цифровой ойкумены. И, если «сетевой полис» трактуется как внутренняя коммуникационная арена государства, где формируются политические идентичности, легитимирующие власть [6, с. 238 – 239], то «цифровая ойкумена» больше определяется как создание внешней цифровой сферы влияния страны. Также накопление кейсов «виртуальных политиков» и «виртуальных чиновников» [6, с. 230–231], экспериментов по созданию партий на базе ИИ тоже заставляет по-новому обратить внимание на традиционные институты государства, политических партий и феномен политического лидерства.

Отдельное перспективное направление – реконцептуализация, уточнение политических теорий в области международных отношений (от политического реализма до конструктивизма). Фактор роста влияния цифровых технологических корпораций на геополитические процессы, систему миропорядка, их сложные симбиотические отношения с великими державами и разными странами может привести к тому, что придется заново перепроверять в новых условиях такие теоретические конструкции как «ловушка Фукидида», «мягкая сила», «баланс сил» и т.п.

Кроме того, большую перспективу и актуальность в современной политической науке имеет реконцептуализация или же создание новых политических теорий, связанных с объяснением проблем политических ценностей, механизмов формирования мировоззрения, идентичностей, цивилизаций. И здесь, безусловно, на политическую науку, ее теории возлагается определенная просветительская миссия, важная как для общества, так и для государства.

Таким образом, реконцептуализация политических теорий имеет чрезвычайно важное значение для развития современной политической науки. Она позволяет ответить ученым на возникающие вызовы и угрозы, в том числе и для национальной безопасности. На этом фоне серьезным потенциалом обладает сотрудничество белорусских и российских политологов, в том числе и междисциплинарного плана – с выходом на специалистов из других научных областей.

Список источников

1. Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах / А. Г. Барышкин [и др.]. – М. : Издательство «Политическая энциклопедия», 2021. – 310 с.
2. Ледяев, В. Г. Власть: концептуальный анализ / В. Г. Ледяев. – М. : РОССПЭН, 2001. – 384 с.
3. Володенков, С. В. Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций / С. В. Володенков // Журнал политических исследований. – 2018. – № 3. – С. 1–8.
4. Льюкс, С. Власть: Радикальный взгляд / С. Льюкс ; пер. с англ. А. И. Крылежева. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2010. – 240 с.
5. От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики / под ред. А. В. Резаева. – СПб. : ВЦИОМ, 2020. – 256 с.
6. Федорченко, С. Н. Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации : монография / С. Н. Федорченко. – М. : Проспект, 2023. – 480 с.
7. Deal or No Deal? End-to-End Learning for Negotiation Dialogues / M. Lewis [et al.] // Proceedings of the 2017. Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. – Copenhagen, 2017. – P. 2433–2443.
8. Milivojevic, S. Artificial Intelligence, Illegalised Mobility and Lucrative Alchemy of Border Utopia / S. Milivojevic // Criminology & Criminal Justice. – 2022. – P. 1–19.

Чэнь Сянюй, аспирант

*Научный руководитель – П.А. Барахвостов, кандидат политических наук,
доцент
БГЭУ (Минск)*

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ МАО ЦЗЭДУНА

Успехи, достигнутые КНР в последние десятилетия, актуализировали исследования генезиса и эволюции созданной в стране политической системы. В этой связи особое значение имеет обращение к идеям основателя китайского государства Мао Цзэдуна.

Зародившаяся под влиянием западноевропейского марксизма и ленинизма, политическая мысль Мао не была «закостеневшей», а эволюционировала, впитывая опыт мирового коммунистического движения и учитывая социально-политические условия Китая. В этой эволюции можно выделить несколько этапов.